

maestro of detective ro

ЧИНГИЗ
Абдуллаев

ПЛУТОКРАТЫ

Манипулятор

Чингиз Абдуллаев

Плутократы

«PEN-клуб»

2003

Абдуллаев Ч. А.

Плутократы / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2003 — (Манипулятор)

Нешуточные страсти разгорелись вокруг процветающего Нижнебайкальского бумажного комбината. Поддерживаемый высшими эшелонами власти, олигарх Алентович стремится захватить предприятие, проведя его через процедуру банкротства. Однако контрольный пакет акций принадлежит банкиру Жуковскому. Между двумя олигархами разгорается отчаянная борьба. А между ними, как между молотом и наковальней, находится знаменитое аналитическое агентство «Миллениум», которое способно решить за деньги любую финансовую проблему. И каждый из соперников пытается переманить директора агентства Петровского на свою сторону.

© Абдуллаев Ч. А., 2003

© PEN-клуб, 2003

Содержание

Начало	7
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Плутократы

Автор предупреждает, что все возможные совпадения с реальными лицами носят случайный характер.

*Чтоб знал любой живущий на земле:
И Боги смертны. Я – все Боги мира.
Пусть другие ищут гороскоп,
Буссоль и астроложию в надежде
Найти себя. Я сам все звезды неба.*

Хорхе Луис Борхес. Из книги «Золото тигров»

Через три месяца после начала

Машины выехали с дачи в обычном порядке: сначала «Мерседес», в котором сидели сам Петровский, его водитель и телохранитель, за ними джип еще с четырьмя охранниками. В последние дни Святослав Олегович, словно предчувствуя опасность, требовал, чтобы охрана сопровождала его повсюду. На Рублевском шоссе, по которому они ехали в город, достаточно много постов милиции и ГАИ, там можно чувствовать себя в относительной безопасности. Петровский мрачно смотрел в окно, ни о чем не спрашивая, а водитель и телохранитель испуганно молчали, понимая его настроение.

Святослав Олегович Петровский, руководитель аналитического агентства «Миллениум», был известным в стране человеком. Его агентство давало не только безошибочно верную оценку положению в стране в тот или иной момент благодаря безупречным социологическим опросам, но и предлагало реальные выходы из сложных ситуаций, проводило блестящие пиар-кампании, почти всегда добиваясь нужных результатов. Сплетники поговаривали, что все последние президентские и парламентские компании выигрывали не конкретные политики, а именно «Миллениум», сумевший добиться победы на выборах для определенных кандидатов. Так что по степени влияния на общественную жизнь Петровского сравнивали с руководителями государства.

Среднего роста, с коротко подстриженными волосами, отеком лицом и с наметившимися мешками под глазами, этот человек, казалось, мог служить образцом успешного имиджмейкера. В прессе его называли самым влиятельным частным лицом страны, после олигархов и членов правительства.

Машины двигались медленно, что вызывало еще большее раздражение Петровского. Но на этой правительственной трассе по утрам всегда полно машин.

Он достал мобильный телефон, намереваясь узнать у секретаря последние новости, однако звонить не стал, подумав, что в столь решающий для его аналитического агентства день все мобильные телефоны могут прослушивать. Не стоит помогать соперникам, снабжая их информацией.

Обернувшись, Святослав Олегович увидел следующий за ними джип и немного успокоился, хотя как умный человек понимал, что никакая охрана не защитит, если покушение организуют профессионалы. Предотвратить возможную трагедию или, по крайней мере, максимально усложнить задачу врагам можно только одним способом – тоже нанять профессионалов.

Петровский сумел наладить в агентстве должную работу службы безопасности. Ее возглавлял бывший генерал КГБ Виктор Михайлович Глушко, которому удалось привлечь к ним несколько десятков высококвалифицированных, опытных специалистов, хорошо знающих не только аналитическую, но и оперативную работу. Петровский всегда считал, что таким людям

нужно хорошо платить. Но при этом помнил и о так называемом Синдроме профессионалов, когда опытный сотрудник, начиная считать, что он незаменим, позволяет себе проводить самостоятельную политику, необдуманно рисковать и в конечном счете завышать не только свои возможности, но и стоимость услуг. И Глушко сделал именно такую ошибку.

Автомобили наконец въехали в город и прибавили скорость. Петровский снова глянул на телефон. Сегодня предстоит трудный день, но вроде бы он все рассчитал верно. Если получится так, как задумано, то вечером многое может измениться. Он потянулся к аппарату, набрал номер своего секретаря. И тут же отключился. «Нет, все-таки нельзя рисковать». И неожиданно обратился к телохранителю:

– Миша, у тебя есть телефон?

– Да, Святослав Олегович, – удивился тот, поворачиваясь с переднего сиденья.

– Дай мне его, пожалуйста, – попросил Петровский.

Ничего не понимая, охранник достал мобильник, протянул ему. Петровский кивнул, однако, набрав номер секретаря, опять отключился. Нет, в приемную звонить нельзя. И заместителям тоже. Все телефоны могут прослушиваться. Хотя, похоже, есть выход: вчера Бубенцов случайно разбил свой аппарат и тут же ночью купил в аэропорту новый, с другим номером. Святослав Олегович напряг память: Паша Бубенцов любит покупать телефоны с запоминающимися номерами. Какие же цифры он вчера ему называл? Кажется, четыре пятерки... А первые три? – Паша ведь специально платит за такие «удобные» номера... Святослав Олегович закрыл глаза, сосредоточился и все-таки вспомнил эти три цифры.

Бубенцов ответил на шестой звонок. Голос у него был удивленный – очевидно, он еще не успел никому дать новый номер своего телефона.

– Паша, это я, – быстро произнес Петровский, – слушай меня внимательно. Войди в приемную к Инне и скажи, чтобы Сорокин перезвонил мне по этому номеру.

– По какому номеру? – не понял Бубенцов.

– Идиот! – рявкнул Святослав Олегович. – Он у тебя высвечен на экране. Посмотри и передай Сорокину. Только очень быстро. И не разговаривайте из приемной.

– Понял, – откликнулся Паша. Было слышно, как он выбегает из кабинета.

«Нужно иметь и таких исполнительных сотрудников», – удовлетворенно подумал Петровский.

Через минуту раздался звонок. Он сразу узнал глуховатый голос Сорокина:

– Доброе утро, Святослав Олегович.

– Как у нас дела?

– Все готово, но это достаточно опасно. Я буду спокоен, когда вы наконец приедете в офис. Здесь вас никто не сможет достать.

– Мы будем на месте через пять минут, – глянул на часы Петровский, – надеюсь, за это время с нами ничего не случится.

– Ждем, – отозвался Сорокин. Он не любил долго говорить по телефону. Петровский знал, как относятся к переговорам по мобильной связи бывшие сотрудники КГБ и ГРУ – они полагают, что подслушать их ничего не стоит. Даже дилетантам-любителям.

Он вернул аппарат телохранителю и, подумав о масштабах проделанной операции, улыбнулся. Автомобили свернули на боковую улицу. И в этот момент раздался глухой удар, словно кто-то намеренно толкнул их машину в бок. «Мерседес» развернулся. Петровский хотел разозлиться, но от сильного толчка упал вниз. И в тот же миг их автомобиль вспыхнул от прямого попадания гранаты. Кто-то стрелял в них из гранатомета. Охранники в джипе ничего не успели понять, когда второй снаряд попал в них. И трое сидящих в нем людей почти тут же превратились в горящие факлы...

Начало

За три месяца до случившегося нападения

Нижнебайкальск

Когда Орлов вошел в приемную, его секретарь – пожилая женщина, проработавшая с ним больше двадцати лет, – поднялась со своего места. В глазах у нее был испуг.

– Они уже приехали, – выдохнула она, – сидят у вас в кабинете.

Илья Федорович кивнул и, нахмурившись, прошел в свой кабинет. Там находились эти двое типов, которые уже приезжали к нему две недели назад. Надо было заставить себя улыбнуться, но он не умел и не хотел улыбаться хамовитым людям, так бесцеремонно оккупировавшим чужие владения в отсутствие хозяина.

– Добрый день, – отрывисто произнес Орлов.

Оба посетителя поднялись со своих мест. Один – похожий на сутенера, лысоватый, с маленькими лисьими глазами и прижатыми к черепу ушами. Второй – рыжий, с вьющимися волосами, мясистым носом, тяжелым подбородком и светлыми глазами. Прошлый раз говорил в основном первый – скороговоркой, глотая окончания фраз, второй больше молчал, уставившись на приятеля, и лишь изредка вставлял какие-то слова.

– Здравствуйте, дорогой Илья Федорович! – начал первый. – Как вовремя вы вернулись! Мы уже собирались вам звонить.

Орлов прошел к своему креслу, не обратив внимания на протянутую ему руку. Лысоватый усмехнулся и вопросительно глянул на напарника. Тот пожал плечами. Похоже, они были готовы к такому приему.

– Что вам нужно? – усаживаясь, устало спросил Илья Федорович. – Мне казалось, в прошлый раз мы обо всем поговорили.

– В прошлый раз мы сделали вам предложение, – возразил первый, подходя к столу и без разрешения усаживаясь поближе к хозяину кабинета, – а вы от него отказались, даже не стали с нами разговаривать.

Его напарник тоже придвинулся. Он, как и тогда, пока молчал, ничем не выдавая своего отношения к услышанному, но почему-то тем самым нервировал Илью Федоровича еще больше, чем скороговорка его приятеля.

– И правильно сделал, – отреагировал Илья Федорович. – У нас пятьдесят один процент акций комбината, а вы, имея всего три процента, приезжаете ко мне и пытаетесь диктовать ваши условия.

– Нет, – улыбнулся лысоватый. – У нас уже пятнадцать процентов. И мы будем просить, чтобы нас ввели в состав совета директоров. С пятнадцатью процентами мы можем рассчитывать на два места.

– Возможно, – согласился Орлов, чувствуя легкую досаду. – Не представляю, как вам удалось собрать пятнадцать процентов. Но если они у вас есть, вы действительно можете на предстоящем собрании акционеров получить два места в составе совета директоров. Не понимаю, почему вы беспокоитесь.

– Мы не беспокоимся, – заявил его собеседник, – мы хотим, чтобы вы разговаривали с нами на равных. У нас пока пятнадцать процентов, но уверяю вас, скоро мы будем иметь контрольный пакет акций.

– Никогда, – убежденно отрезал Илья Федорович. – Никто не продаст вам контрольного пакета. И вообще я не понимаю, чего вы от меня хотите.

– У вас лично полтора процента акций комбината, – пояснил лысоватый. – Если учесть, что стоимость комбината сегодня оценивается в двести миллионов долларов, то вы, можно сказать, миллионер. И должны делать все, чтобы стоимость комбината увеличилась.

– Шесть лет назад наш комбинат ничего не стоил, – напомнил Илья Федорович, – мы с таким трудом подняли его из руин. Столько лет работали. А теперь являетесь вы и предлагаете купить наш комбинат? Неужели серьезно думаете, что сможете управлять таким гигантом?

– Мы предлагали вам продать ваш комбинат в прошлый раз, – напомнил гость, – а теперь уже не предлагаем...

Илья Федорович вдруг почувствовал, что сейчас этот человек произнесет нечто страшное – такой мучительной была последовавшая за этими словами пауза, хотя длилась она всего лишь несколько секунд. И действительно, лысоватый проговорил:

– Мы предлагаем вам уйти с комбината. – Его лисьи глаза вдруг потемнели. – Так будет лучше и для вас, и для нас.

Илья Федорович открыл рот, чтобы ответить, но почувствовал, что ему не хватает воздуха.

– Мы готовы купить у вас ваши акции. Или обеспечить вас другими, привилегированными акциями. Но сегодня предлагаем вам уйти.

– Вон отсюда! – закричал хозяин кабинета, немного придя в себя. – Убирайтесь!

– Не нужно так кричать, – тихо посоветовал человек с лисьими глазками. – У вас большое сердце. Не стоит волноваться.

– Уходите, – Орлов вскочил, уже не сдерживая эмоций.

Мужчины переглянулись.

– Вы все еще не понимаете, – вдруг заговорил глухим голосом молчун. – Ваш комбинат может приносить другие деньги. Мы хотим вам помочь.

– Я лучше знаю, что может дать наш комбинат, – Илья Федорович снова сел в кресло, стараясь успокоиться. Сердце бешено колотилось. – И вы напрасно тратили ваши деньги. Пятьдесят один процент! Такого количества акций у вас никогда не будет.

– Возможно, вы правы, – согласился говорящий скороговоркой, – но, скорее всего, правы мы. До свидания, Илья Федорович, я думаю, мы еще вернемся к этому разговору.

Мужчины поднялись и вышли из кабинета. Орлов почувствовал загрудинную боль. Он с трудом достал таблетку валидола из кармана, положил ее под язык, одновременно стараясь взять себя в руки. Через минуту, тяжело вздохнув, позвонил секретарю.

– Екатерина Матвеевна, – обратился к ней Орлов, прислушиваясь к тому, как колотится сердце, – никогда больше не пускайте ко мне этих проходимцев. Даже если они скажут, что являются владельцами нашего комбината. Вы меня понимаете?

– Хорошо, Илья Федорович. Вам принести кофе?

– Нет, – выдохнул он, – не нужно кофе. Принеси мне стакан воды. И желательно не холодной.

На Нижнебайкальском комбинате – самом крупном производственном предприятии страны, где в настоящий момент трудилось чуть больше восьми тысяч человек, – Илья Федорович Орлов проработал почти тридцать лет. Приехал сюда по распределению, да так и остался на всю жизнь, последовательно пройдя все руководящие должности, от главного технолога до директора завода. Правда, им он стал лишь шесть лет назад, когда на комбинате из двадцати тысяч сотрудников осталось только четыре тысячи и вполне реально стоял вопрос о закрытии производства, обеспечивавшего работой весь город с населением более чем в сто тысяч человек. Ценой невероятных усилий и при поддержке крупного московского банка им все-таки удалось переломить ситуацию, спасти комбинат. Но вот теперь, после шести лет напряженной работы, появляются эти проходимцы, которые хотят завладеть всем производством.

Орлов почувствовал, что боль в сердце усиливается. «Неужели придется вызывать «Скорую»?» – мрачно подумал он.

Мужчины, покинувшие его кабинет, вышли из здания, прошли к джипу, стоявшему во дворе, сели в машину и выехали на улицу. Когда миновали квартал, человек с лисьими глазками достал телефон, набрал номер и, как только ему ответили, сообщил:

– Он не согласен. Что нам делать?

– Действуйте как договорились, – прозвучал короткий ответ.

Лысоватый убрал телефон и взглянул на напарника, сидящего за рулем.

– Что сказали? – спросил тот. – Что нам делать?

Лысоватый промолчал. Просто смотрел прямо перед собой и молчал.

– Ясно, – усмехнулся его приятель. – Все никак не можешь привыкнуть? Придется решать.

Лысоватый сжал зубы и наконец выдавил:

– Завтра вечером я уеду из города, чтобы у меня было алиби. Приказали убрать. Считают, что комбинат без него не потянет. Сумеешь все повернуть завтра?

– Хоть сегодня, – отозвался напарник. – В него даже стрелять не нужно. Достаточно хорошенько толкнуть, и он свалится. У него ведь больное сердце.

– Нужно наверняка, – напомнил собеседник. – И вообще не надо мне таких подробностей. Меня они не касаются.

На следующий день вечером Илья Федорович Орлов, директор крупнейшего в стране Нижнебайкальского комбината, был застрелен в подъезде собственного дома. Убийца сделал два выстрела. Второй – контрольный.

Глава 1

Святослав Олегович Петровский, руководитель аналитического агентства «Миллениум», сидел в своем кабинете, когда ему позвонила секретарь.

– К вам гость, – доложила она. – Поднимается на наш этаж.

– Сразу проводи его ко мне, – распорядился Петровский, – и никого больше не впускай. Чай или кофе не приноси и вообще не входи в кабинет. Ты все поняла?

– Он уже здесь, – Инна отключилась, и через мгновение дверь в кабинет открылась. В комнату вошел невысокий лысоватый мужчина с очень характерными ушами, прижатыми к черепу. Петровский чуть поморщился: ему уже несколько раз доводилось встречаться с этим человеком, и он ему очень не нравился. Но Святослав Олегович знал, что пришедший представляет влиятельных людей, настолько влиятельных, что ему звонил вице-премьер правительства и лично просил об этой встрече.

– Здравствуйте, Валентин Георгиевич, – поднялся из своего кресла Петровский, – я рад вас приветствовать в нашем агентстве.

– Добрый день, уважаемый Святослав Олегович, – вошедший как-то странно проглатывал окончания слов.

Они пожали друг другу руки и прошли к небольшому столику, стоящему в углу, чтобы сесть в глубокие кресла.

– Вы просили о встрече, – холодно напомнил Петровский, – я готов вас выслушать. Какие-нибудь новые предложения?

Он с самого начала хотел показать, что не слишком рад возможности общаться с этим типом. Но и тот умел чувствовать ситуацию.

– Мы попросили вице-преьера организовать встречу с вами, – проговорил, улыбаясь, Валентин Георгиевич, чтобы сразу напомнить о том, кто стоит за его спиной.

Петровский все понял, но не стал реагировать на столь очевидный намек. Хотелось сначала узнать, зачем к нему явился этот человек.

– Ваше аналитическое агентство считается лучшим в стране, – осторожно начал Валентин Георгиевич. – Поэтому нам настоятельно рекомендовали обратиться именно к вам.

– Я думаю, в Москве есть еще несколько таких же агентств, – заметил Петровский, – но, если вы так считаете, не буду спорить. Чем мы можем вам помочь?

– Речь идет о Нижнебайкальском комбинате, – пояснил Валентин Георгиевич. – Вы, наверное, слышали, что это один из самых крупных комбинатов в мире. Раньше на нем работало больше двадцати тысяч человек. Но в начале девяностых комбинат захирел, многие уволились, и сейчас там трудятся только несколько тысяч. То есть, можно сказать, что комбинат практически остановлен. Последний директор пытался наладить работу, но все закончилось трагически...

– В каком смысле?

– К сожалению, его убили, – лицемерно вздохнул Валентин Георгиевич, отводя глаза. – Очевидно, на комбинате действуют несколько криминальных группировок, которым невыгодна стабилизация положения.

– Ясно, – кивнул Петровский и привычно подумал: «Нужно будет поручить собрать все материалы по комбинату».

– Нижнебайкальский дает больше половины всей бумажной продукции, выпускаемой в нашей стране, – продолжал между тем Валентин Георгиевич, – и никто не может позволить нескольким криминальным группировкам фактически контролировать работу такого гиганта. Мы предложили начать процедуру банкротства с последующей передачей акций комбината другим людям, более ответственным в своих решениях. И надеемся, что ваше агентство сумеет

нас поддержать, создав соответствующее мнение в средствах массовой информации, в частности на телевидении.

– Сколько он стоит сегодня? – поинтересовался Святослав Олегович.

Посетитель усмехнулся:

– Около двухсот миллионов долларов.

– Двести миллионов долларов, – задумчиво повторил Петровский. – И они по-прежнему дают больше половины всей бумаги, выпускаемой в стране?

– Да, – нервно ответил Валентин Георгиевич, – пока дают.

– Несмотря на имеющиеся трудности? – Святославу Олеговичу нравилось издеваться над этим неприятным типом. – Надо же какие молодцы! На комбинате полный развал, а он по-прежнему не снижает темпов производства. Или положение там не столь уж печальное? – Он смотрел прямо на посетителя.

Валентин Георгиевич на секунду прикрыл лисьи глазки, но тут же обрел уверенность.

– Вы все отлично понимаете, – сказал он, – комбинат пока работает, но мы полагаем, что будет правильным провести процедуру банкротства и выставить его на аукцион.

– Он приносит убытки? – задал следующий вопрос руководитель «Миллениума» и неожиданно разозлил гостя.

– Нет, – нервно отрезал тот. – У комбината есть небольшая прибыль. Но это не существенно...

– Вы пришли ко мне и просите вас поддержать, – невежливо перебил его Святослав Олегович. – Чтобы сыграть на вашей стороне, мне нужно знать все исходные данные. Вы же понимаете, что я все равно их узнаю.

– Верно, – согласился Валентин Георгиевич, заметно успокаиваясь. – И вы, конечно же, получите полную информацию. В общем, они пока приносят чистую прибыль – чуть больше двух миллионов долларов.

– В год? – улыбнулся Петровский.

– В месяц, – уточнил Валентин Георгиевич, и Святослав Олегович едва удержался, чтоб не ахнуть от удивления.

Двенадцать миллионов долларов чистой прибыли! И этот приехавший к нему человек говорит, что комбинат нужно обанкротить, передать его другим людям? Двенадцать миллионов долларов чистой прибыли, это же почти полмиллиарда рублей.

Вероятно, волнение отразилось на его лице, потому что визитер как-то многозначительно ухмыльнулся.

– Именно поэтому мы обратились к вам, – не без напора пояснил он. – Нужно подготовить общественное мнение, что дела на комбинате идут неважно и процедура банкротства – единственная мера, которая может спасти необходимое государству производство.

– Двенадцать миллионов долларов чистой прибыли, – негромко повторил Петровский. – Знаете, у нас могут появиться некоторые проблемы. Достаточно опубликовать в прессе данные о такой прибыли, как все наши усилия могут оказаться не столь эффективными.

– Я полагаю, что вы знаете, как не допустить появления такого сообщения, – заметил Валентин Георгиевич. – Вы ведь опытный специалист. И мы рассчитываем на ваше понимание ситуации.

– Понимание, – хмыкнул Петровский. – Вы можете мне объяснить, каким образом Нижнебайкальский комбинат сумел наладить работу? Выйти на такой уровень... Двенадцать миллионов долларов прибыли! Какой же у них оборот? И откуда у них появились деньги на реконструкцию, модернизацию? Или они вышли на такой уровень благодаря устаревшему оборудованию, которое не менялось с семидесятых годов?

– Как приятно разговаривать с таким умным человеком! – восхитился Валентин Георгиевич. – Вы умеете видеть проблему. Конечно, они провели реконструкцию и закупили новое

оборудование. У них был кредит на сто миллионов долларов, который им выделил несколько лет назад какой-то английский банк...

– Какой-то? – повторил Святослав Олегович, вопросительно глядя на собеседника.

– «Голдман Сакс Банк», – сразу «вспомнил» тот. – Но это не имеет отношения к нашему разговору.

Петровский нахмурился. Теперь он знал все, что должен был знать. Известный американский банк тесно сотрудничал с бывшим российским «Дельта-банком», принадлежавшем известному миллиардеру Глебу Жуковскому. Но Жуковский вызывал раздражение властей своей независимой позицией. И поэтому был вынужден уехать за рубеж, когда начались массовые проверки его организаций. Центральный банк приостановил деятельность «Дельта-банка», отозвав его лицензию. Но еще несколько лет назад Жуковский был одним из самых влиятельных людей в стране и вполне мог получить кредит во всемирно известном американском банке. Очевидно, он и владел контрольным пакетом акций Нижнебайкальского комбината. А теперь кому-то потребовалось обанкротить комбинат, чтобы передать его акции другим владельцам. И Петровский знал, кому именно.

– Сколько акций Нижнебайкальского комбината принадлежало Жуковскому? – неожиданно спросил он.

Лисьи глазки посетителя потемнели от гнева. Он шумно выдохнул и тихо сказал:

– Мне кажется, я не произносил этой фамилии. При чем тут он? И какая разница, у кого сколько акций? Мы пришли к вам, чтобы предложить конкретную работу. Если вы согласны – мы договариваемся, если нет – найдем другую организацию. И не нужно вспоминать людей, которые не имеют отношения к нашему делу.

– Не держите меня за идиота, – посоветовал Петровский. – Прежде чем взяться за работу, я должен знать, против кого и с кем должен идти. Сколько акций у Жуковского или сколько их было у «Дельта-банка»?

– Такого банка уже нет. У них было двенадцать процентов акций, и мы их купили, – пояснил Валентин Георгиевич. – Это легко проверить по документам, которые мы вам предоставим. Сейчас у нас около пятнадцати процентов, но мы собираемся купить контрольный пакет акций.

– И для этого хотите обанкротить прекрасно работающее предприятие? – поинтересовался Петровский.

– Это не ваше дело. И не ваши деньги. Если вы согласны, мы подпишем конфиденциальный договор. Если нет, скажите об этом прямо.

– Сколько? – спросил Святослав Олегович. – Назовите максимальную сумму, размер которой заложен в ваш бюджет. Я должен понимать масштабы происходящего.

– Два миллиона долларов. И учтите, что конкретную сумму я не имел права называть.

– Учту, – кивнул Петровский, поднимаясь из кресла и возвращаясь к своему месту за письменным столом. – Два миллиона – хорошие деньги, – задумчиво произнес он и добавил: – Очень неплохие деньги. Но мы должны подумать.

– Только постарайтесь не затягивать с ответом, – попросил Валентин Георгиевич. – Иначе у нас появится соблазн обратиться в другое агентство. До свидания. – И он поднялся.

Петровский подумал, что не стоит протягивать этому человеку руки. Очевидно, тот решил точно так же, потому что сухо кивнул и направился к выходу.

– Подождите, – остановил его Святослав Олегович. – Вы так и не сказали мне, кого вы представляете.

Посетитель замер, остановился, повернулся. Его лисьи глазки сверкнули.

– Ценю ваше чувство юмора, – проговорил он и вышел.

Петровский уселся в кресло и долго смотрел перед собой невидящими глазами.

Глава 2

Прежде чем принимать решение, желательно обладать всей информацией. Или, по крайней мере, получить ее доступную часть. Петровский любил повторять, что информация – это самый важный момент в работе их агентства. Именно поэтому он поручил своим заместителям собрать все имеющиеся материалы по Нижнебайкальскому комбинату, чтобы иметь полное представление, что именно происходило с производством за последние несколько лет. Но самому ему в этот день пришлось заниматься совсем другой проблемой. Юлай Абуталипович уже давно хотел взять толкового финансиста, вот только все не мог ни на ком остановиться из нескольких десятков претендентов. Наконец его выбор пал на женщину, прежде работавшую в Центральном банке. Петровский помнил, как они впервые заговорили о ней с Юлаем.

– Ты нашел человека, который сможет у нас работать? – поинтересовался тогда Святослав Олегович. Они обедали в ресторане, и он, увидев, как расплачивается кредитной картой «Американ экспресс» сидящий за соседним столиком пузатый незнакомец, вспомнил о финансисте.

– Наталью Андреевну Бочарову, – сообщил Юлай, ловко орудуя палочками. Он был большим любителем китайской кухни.

В отличие от него Петровский равнодушно относился к еде и ходил в рестораны лишь за компанию.

– У нее потрясающие рекомендации, – восторженно продолжил Юлай. – Работала в Центральном банке. Очень толковый специалист. Личное дело ты видел. Мы проверили, у нее все чисто. Нормальная семья. Сын, дочь. У сына двое детей. Дочь разведена, живет с матерью, у нее тоже есть сын.

– Ты ничего не говоришь про ее мужа, – напомнил Петровский. – Забыл или почему-то не хочешь?

Юлай перестал есть. Положил палочки на стол и покачал головой.

– Твоя хамская манера разговаривать с людьми меня иногда достает, – признался он.

– А твоя хитрая манера недоговаривать когда-нибудь сделает из меня неврастеника, – парировал Петровский. – Давай рассказывай!

Юлай снова взял палочки:

– Ее муж умер восемь лет назад. Погиб в автомобильной катастрофе. Вообще-то я думал, ты смотрел ее анкету.

– У меня нет времени изучать анкеты наших сотрудников, – отрезал Петровский. – Я читаю только ваши рекомендации и советы. Для изучения анкет у нас целый штат сотрудников. А почему она не вышла замуж во второй раз?

– У нее взрослые дети, – пробормотал Юлай, пережевывая еду. – Зачем ей замуж?

– Ей сорок девять лет, – пояснил Святослав Олегович. – А восемь лет назад было чуть больше сорока. Неужели ей не нужен был мужчина? А вы мне ничего насчет этого не написали. Либо недосмотр твоей команды, либо я должен поверить, что в сорок лет она стала старухой. Если за эти годы женщина добивалась такого роста в карьере, то почему у нее не была налажена личная жизнь? Или ты не захотел узнать? Может, она тебе нравится?

– Только этого не хватало! – чуть не поперхнулся Юлай. – У нас работает столько девочек. Зачем мне старая мочалка?

– А ты еще и циник, – усмехнулся Петровский.

– Мы пытаемся узнать, – сообщил Юлай, – но сейчас у нее никого нет, это точно...

– Значит, кто-то был. Нужно проверить еще раз.

– Проверяем. И еще... – Юлай вдруг замолчал, словно не решаясь что-то сказать.

– Хочешь угадаю, что именно ты собираешься мне поведать? – неожиданно спросил Петровский.

Юлай снова вздохнул, положил палочки в очередной раз и сделал знак официанту, чтобы унесли полупустые тарелки.

– Если знаешь, мне легче, – признался он. – Может, отменишь твою обычную проверку? Боюсь, она обидится и уйдет. А мне не хочется терять такого специалиста. Я с ней уже говорил. Она очень толковый работник, с большими связями...

– И красивая женщина, – сухо добавил Петровский. – Я видел ее фотографии.

– Она уже трижды бабушка, – напомнил Юлай. – Давай ты не будешь проводить с ней собеседования. Ты же мне доверяешь?

– Ни в коем случае. Никаких исключений.

– Это не тот случай.

– Ты знаешь наши правила, – жестко отрицал Петровский.

– Но ты же отменил собеседование, когда мы принимали в прошлом году Анну Савельевну. Помнишь?

– Анну Савельевну мы принимали на работу в наше управление обеспечения, – возразил Петровский, – ей было уже пятьдесят восемь лет и она работала в фирме Яши Слаповского, который нам ее рекомендовал. Если она вдруг купит не тот сыр или перепутает минеральную воду, это, конечно, плохо, но не смертельно. А сотрудник, которого мы должны взять в твое финансовое управление, Юлай, будет иметь дело с миллионами, десятками миллионов долларов. И мы должны быть в ней абсолютно уверены. Абсолютно.

– Ты считаешь, что можно быть уверенным в женщине, которую так унижаешь? – разозлился Юлай. – Ничего ты не понимаешь!

– Я тебе уже несколько раз объяснял, что это не унижение. Это своеобразный тест на способность приспособливаться к обстоятельствам, действовать в нестандартной ситуации, умение проявить себя и сохранить лицо в незнакомой обстановке. В общем, это проверка на пригодность работать в нашем агентстве, а ты хочешь, чтобы я взял в управление неизвестного человека, о котором мы ничего не знаем и которая с сорока лет ни с кем не встречается. Может, она скрытая лесбиянка? Ты хочешь, чтобы я принял ее, вообще не проверяя?

– Лесбиянка с двумя детьми и тремя внуками, – заорал Юлай. – Ты думаешь, что говоришь? Даже если она любит женщин, какое отношение это имеет к нашей работе?

На них начали оборачиваться сидящие за соседними столиками. Петровский покачал головой.

– Не ори, – тихо посоветовал он.

– Делай что хочешь, – выдохнул Юлай. – Но заранее тебя предупреждаю: она обидится и уйдет. Мы искали подходящего человека два месяца, потратили столько сил на ее проверку!.. Давай проверяй. Могу поспорить на доллар, что Наталья Андреевна не станет раздеваться в твоём кабинете. Это невозможно.

– Что ж, давай поспорим, – согласился Петровский. – Только не забудь отдать мне доллар, когда проиграешь.

Он вспомнил этот разговор, состоявшийся в ресторане, когда Инна, его секретарь, позвонила ему и сообщила, что в приемной уже сидит Бочарова.

– Пусть войдет, – разрешил он. Женщина вошла в его кабинет уверенно, спокойно, как входят профессионалы, знающие себе цену. На ней был строгий, темно-серого цвета деловой костюм, подобранные ему в тон черные туфли и сумочка. Аккуратно уложенные волосы, на лице – умелый макияж. Войдя, она остановилась у двери.

– Здравствуйте, – приветливо произнес Петровский, поднимаясь ей навстречу.

Рукопожатие у нее оказалось достаточно крепким. В общем, это была типичная бизнес-леди, сумевшая не только спасти свою семью, оставшуюся без кормильца, но и сделать неплохую карьеру.

– Садитесь, пожалуйста, – любезно предложил он ей глубокое кресло. Сам сел рядом, придвинув пепельницу. – Вы курите?

– Нет, – ответила Бочарова, чуть улыкнувшись. – Я уже бросила. Шесть лет как бросила.

– Прекрасно. – Когда Святослав Олегович хотел, ему удавалось быть обаятельным. Слегка улыкнувшись, он перешел к делу. – Меня ознакомили с вашей биографией, у вас очень приличный послужной список. Говорят, вами были очень довольны в Центральном банке. И у вас там была перспектива роста. Почему вы решили перейти именно к нам?

– Я немало слышала о вашем агентстве, – ответила женщина. – Многие считают, что у вас очень интересная работа. Решила попробовать. К тому же у вас хорошая зарплата, – честно призналась она, – для меня это немаловажно.

Ему понравилась ее откровенность.

– Сколько вы получали в Центральном банке? Я имею в виду не только зарплату? – мягко поинтересовался он.

– В среднем в год выходило около пятидесяти тысяч долларов, – ответила она, – иногда чуть больше.

– У нас будет в два раза больше, – сказал Петровский, – хотя работа очень сложная.

– Ничего страшного. Надеюсь, что справлюсь.

– Мне сказали, что у вас большая семья?

– Двое детей, трое внуков, – Наталья Андреевна чуть улыкнулась. Не фамильярно, не подружески, а именно так, как нужно.

Петровскому она начинала нравиться. Эта женщина знала, как себя вести, чувствовала обстановку, умело держалась.

«Пока все идет нормально», – подумал он и спросил:

– Вам говорили, что у нас несколько особый принцип отбора кандидатов?

– Конечно, – кивнула Бочарова. – Меня предупредили, что у вас сдают какие-то необычные экзамены. Но я сказала Юлаю Абуталиповичу, что готова пройти ваши тесты.

– И что он ответил?

– Сказал, что я не представляю себе сложности испытаний.

– И больше ничего?

– Нет. Но я поняла, что все самое трудное еще впереди.

Он поднялся и прошел к столу, чтобы вызвать секретаря.

– Что вы пьете? – полюбопытствовал Святослав Олегович. – Что вы обычно пьете, чтобы немного расслабиться?

– Кофе, – удивилась она. Потом, чуть подумав, добавила: – Можно с коньяком.

– Кофе с коньяком, – приказал он, – и обычный кофе для меня. – Он вернулся в свое кресло и пояснил: – Дело в том, что у нас не совсем обычная организация. У нас аналитическое агентство. Не побоюсь сказать, что мы известны во всем мире и считаемся одним из лучших подобных агентств в Европе.

– Я знаю, – осторожно согласилась Наталья Андреевна. – Многие полагают, что вы лучшее агентство в нашей стране и вообще в Восточной Европе.

Если бы она сказала просто в Европе, то было бы похоже на обычную лесть. В Англии, во Франции, и особенно в Швейцарии, существовало несколько аналитических агентств очень высокого класса. Но Бочарова уточнила, сказав «Восточная Европа». А это было почти правдой.

– Возможно, и так, – Петровский посмотрел на дверь. Обычно Инна не задерживалась более чем на одну минуту. Она знала, что он не любил ждать.

– Мы должны быть уверены в наших сотрудниках, – продолжил он, – поскольку имеем дело с доверием наших клиентов, иногда очень известных людей. Президенты, банкиры, политики, известные деятели шоу-бизнеса, дипломаты – в общем, публика, которая не любит читать о себе в газетах. Наша цель – не допустить абсолютно никакой утечки информации.

– Мне говорили, что у вас есть отдел, занимающийся такими проблемами. Кажется, собственная безопасность. Я нахожу такие требования справедливыми.

– Управление, – поправил ее Святослав Олегович. – У нас целое управление.

В этот момент Инна внесла наконец поднос с кофе. Расставив чашечки на столике, она молча удалилась. Петровский взял свою чашку и попробовал кофе. Он всегда пил черный кофе без молока и сахара. Или чай, тоже без молока и сахара. Наталья Андреевна подняла свою чашечку и сделала несколько небольших глотков.

– Можно, я задам вам один нескромный вопрос? – спокойно спросил Святослав Олегович.

– Можно, и не один, – кивнула она. – Я понимаю особую деликатность работы вашего ведомства.

– У вас погиб муж больше восьми лет назад. Тогда вы были достаточно молодой женщиной. Как и сейчас, – сделал он комплимент. – Почему вы не вышли снова замуж? Вы можете мне ответить искренне?

Наталья Андреевна не удивилась. Только чашечка в ее руке чуть дрогнула. Она сделала еще один глоток, поставила чашку на край стола и ответила, глядя прямо в глаза Петровскому:

– Я любила моего мужа.

– Настолько, что решили больше не выходить замуж?

– Да. Мне кажется, вас это несколько удивляет? У меня было двое уже взрослых детей, и я была обязана думать об их благополучии. Поэтому приняла решение забыть о личной интимной жизни и думать больше о них. Мои карьерные устремления были посвящены семье. Мне немного повезло, у меня была жива мама, которая мне очень помогла. А я занималась любимой работой.

– Тогда мне придется задать еще один вопрос, – вздохнул Святослав Олегович, – простите меня за бестактность. У вас были мужчины в эти годы? Я имею в виду, вы с кем-то встречались?

Она снова не удивилась, хотя данный вопрос никак не мог входить в систему проверки лояльности сотрудников. И все-таки не удивилась. Опять немного подумала, прежде чем ответить. Ему нравилась эта манера думать, прежде чем говорить. Юлай прав, возможно, она действительно прекрасный специалист в области финансов.

– У меня были мужчины, если вас действительно волнует этот вопрос. Но не было никого, кто мог бы стать отцом моих детей. Поэтому я не считала возможным знакомить этих людей с ними.

– Исчерпывающий ответ, – согласился Петровский и сделал паузу. Намеренную, длинную паузу, чтобы посмотреть, как она будет реагировать на долгое молчание.

Женщина не нервничала, она сидела и ждала, когда он задаст ей следующий вопрос.

– У меня будет к вам одно предложение, – произнес наконец Петровский. – И я заранее прошу прощения, если оно вас оскорбит. Но это одно из условий нашей проверки. Если хотите, решающих условий... – Он еще помолчал. Она ждала, когда он заговорит.

– Разденьтесь, – неожиданно попросил Петровский.

Наталья Андреевна не смутилась, только чуть качнулась. И переспросила:

– Что вы сказали?

– Я предложил вам раздеться.

– Мне не жарко, спасибо.

– Нет, вы меня не поняли. Я предлагаю вам сбросить с себя всю одежду. Абсолютно всю.

Она потянулась за сумочкой – должно быть, сказала многолетняя привычка. Но пачки сигарет в ней не было. Тогда несколько растерянно взглянула на Петровского и проговорила:

– Извините, я не думала, что подобные сцены входят в систему вашей проверки.

– Входят, – безжалостно подтвердил он, с любопытством наблюдая за ее реакцией.

Бочарова захлопнула сумочку.

– То есть вы хотите, чтобы я разделась в вашем кабинете? – заметно нервничая, спросила она, чувствуя, что сорвется на крик или на слезы. Но держалась.

– Да, – кивнул Петровский, – и не нужно так волноваться.

Женщина резко поднялась. Он сидел в кресле, даже не пошевелившись.

– До свидания, – срывающимся голосом произнесла она. – Кажется, я ошибалась, выбрав ваше агентство. Если я встречалась с некоторыми мужчинами, это не значит, что я была дрянью. – И, повернувшись, пошла к дверям.

– Я так не говорил, – сказал он, когда она оказалась у него за спиной.

Наталья Андреевна остановилась. Повернулась к нему:

– Что вы себе позволяете? Да разве так можно? Или вы думаете, что ради ваших денег я готова вам отдаться?

– Вы финансовый работник и должны формулировать все достаточно четко. Я просил вас раздеться, я не говорил, что вам нужно кому-то отдаваться.

Она все еще не понимала, что происходит.

– Неужели вы полагаете, что я могу вот так взять и раздеться? – спросила обиженным голосом. – И зачем вам это нужно. Я уже бабушка, у меня трое внуков...

– Тем более, – он наконец поднялся и повернулся к ней. – Я не могу понять, почему вы уходите. Что в моих словах показалось вам столь оскорбительным? Считайте, что я врач и должен вас осмотреть, перед тем как принять на работу.

– Но вы не врач, – отрезала она. – И я не понимаю, зачем вам это нужно? Для чего?

– У вас есть два варианта, – пояснил Петровский. – Первый – вы раздеваетесь и с завтрашнего дня работаете у нас. Второй – вы уходите и продолжаете трудиться в вашем банке. Ведь вы еще оттуда не уволились и сейчас находитесь в отпуске? Как видите, мы все предусмотрели.

Бочарова стояла у выхода из кабинета. Когда он закончил говорить, она повернулась к двери. Сделала один шаг. Еще один. Он уже собирался ее окликнуть, когда она снова повернулась и вдруг спросила:

– Вы помните фильм «Игрушка»? – Он только молча улыбнулся.

– Так кто из нас хуже, – напомнила она. – Вы, приказывая мне раздеться, или я, готовая на все ради ваших денег?

Петровский медленно покачал головой:

– Это не тот случай. Тогда он приказал выйти и обойти редакцию. А я не предлагаю вам гулять голый по нашим коридорам.

– Это одно и то же, – Наталья Андреевна все еще пыталась отстоять свою независимость.

– Неужели вы думаете, что я предлагаю вам раздеться ради моей прихоти или забавы? – осведомился Святослав Олегович. – А может, вы считаете, что мне просто приятно смотреть на раздетых женщин? Будем откровенны, если я захочу, через полчаса в моем кабинете будут лучшие топ-модели, которые исполнят любое мое желание.

– Я это знаю, – сказала она, – и только поэтому пока еще не вышла из вашего кабинета. Я не хочу у вас работать, господин Петровский, но я хочу понять, почему вы предложили мне сделать такую вещь? Неужели не понимаете всю абсурдность вашего пожелания?

– Понимаю. Но все равно настаиваю. Считайте это моим личным капризом. У нас такие правила.

– И все раздеваются? – не поверила она. – И мужчины, и женщины?

– У мужчин другой тест, – ответил он. – А у вас по-прежнему есть два варианта. Остаться или уйти.

– До свидания, – проговорила она. – Я не собираюсь здесь оставаться.

Когда Бочарова взялась за ручку двери, он попросил:

– Наталья Андреевна, остановитесь.

Но она не задержалась ни на секунду. И вышла из кабинета, громко хлопнув дверью. Петровский счастливо улыбнулся. У этой женщины есть свои принципы, она достаточно сильный и волевой человек. Ее можно утверждать не просто финансистом, а даже заместителем Юлая. Таковую нельзя купить или уговорить выдать корпоративные секреты организации. Он подошел к столу и вызвал своего заместителя.

– Юлай, – попросил он негромко, – догони ее. Она вышла от меня.

– Я же предупреждал, – было слышно, как Юлай уже бежит по кабинету.

Петровский сел в кресло, ожидая, когда ему позвонят. Через несколько минут Юлай действительно позвонил.

– Ушла, – тяжело дыша сообщил он. – Заявила, что руководитель у нас абсолютный маньяк. Я не смог ее уговорить. Она просто повернулась и ушла.

– Очень хорошо, – улыбнулся Петровский. – У нас уже было несколько таких случаев.

– Но все оставались, а она ушла, – заметил Юлай. – Я же говорил тебе, что с ней нужно осторожнее.

– Возьмешь ее своим заместителем с правом финансовой подписи. И будешь поручать ей всю финансовую отчетность, кроме перечислений в офшорные зоны.

– Но она ушла, – напомнил Юлай.

– Это уже моя проблема, – усмехнулся Святослав Олегович. – И не забудь напомнить мне про доллар. Кажется, я его проиграл. Ты был прав. Она не захотела принять мое предложение.

Через два часа заказав роскошный букет цветов, он подъехал к дому Бочаровой и поднялся на восьмой этаж. Позвонил и долго ждал, когда ему откроют. Наконец в дверях появилась молодая женщина, очень похожая на ту, что приходила к нему.

– Мне нужна Наталья Андреевна, – улыбнулся Петровский. – Извините, что пришел так поздно.

– Ничего страшного, – молодая женщина с понятным любопытством смотрела на него. Так обычно смотрят взрослые дети на чужих мужчин, которые появляются в их доме.

– И не открывайте двери незнакомым, – посоветовал Петровский.

– У нас не опасно, – улыбнулась она, и в этот момент из комнаты, мягко ступая, вышел огромный бульдог и недружелюбно уставился на незнакомца.

– Действительно, не опасно, – пробормотал Святослав Олегович, делая шаг назад.

– Мама, это к тебе! – крикнула молодая женщина.

Из другой комнаты появилась Наталья Андреевна. Она была в брюках и темно-синей майке. Увидев гостя с букетом в руках, испуганно замерла. Очевидно, бульдог почувствовал ее настроение, поскольку, оглянувшись на хозяйку, издал отнюдь не дружественный рык.

– Место, – ровным голосом приказала ему хозяйка дома. – Иди в комнату.

Бульдог еще раз глянул на Петровского и, повернувшись, ушел в комнату. Дочь хозяйки смотрела на мать и на гостя, уже понимая, что между ними что-то произошло.

– Зачем вы пришли? – спокойно поинтересовалась Бочарова. – Или вы думаете, что дома более подходящая обстановка?

– Не нужно так близко принимать к сердцу все сложности на работе, – дипломатично проговорил Святослав Олегович. После того как собака ушла, он обрел большую уверенность. И протянул букет цветов дочери Бочаровой. – Поставьте, пожалуйста, в вазу с водой. Я хочу с вами поговорить, Наталья Андреевна, и объясниться.

– Не понимаю, что еще вы можете мне объяснить, – отозвалась она.

– И тем не менее я настаиваю, – он ждал ее решения.

– Входите, – разрешила Бочарова. Очевидно, ей тоже было интересно.

Он вошел в коридор, прошел в гостиную. Квартира была большая, удобная. «Вероятно, четыре комнаты, – подумал Петровский. – Дом кооперативный, в него вселялись лет двадцать назад. Должно быть, ее супруг зарабатывал неплохо еще тогда. Но сделан свежий ремонт, а это уже на ее деньги».

В гостиной они сели за стол. Наталья Андреевна сложила руки на груди, словно подчеркивая свое отторжение и неприятие гостя, испытующе посмотрела на него.

– Я хочу извиниться, – начал он, – дело в том, что это основной тест, на котором проверяются все наши новички. Не нужно было на меня обижаться. Юлай Абуталипович пытался вас уговорить, но вы не стали слушать его аргументов.

– А вы бы стали, – откликнулась она, – если бы ваш начальник предложил бы вам такой же способ проверки? Неужели остались бы?

– Я бы сначала подумал, почему мне предлагают раздеться, – улыбнулся Петровский. – А здесь возможны три варианта. Первый и основной, это проверка моей реакции на нестандартную ситуацию. Второй, менее возможный, я нравлюсь моему начальнику или начальнице. И третий, маловероятный: он – сумасшедший.

– Интересные варианты, – чуть усмехнулась Бочарова. – Какой из них больше подходит для нашей ситуации?

– Третий, – мгновенно ответил Святослав Олегович, – я ненормальный.

– И я должна согласиться работать у такого человека? Вы не думаете, что для меня гораздо безопаснее просто не поступать к вам на работу?

– Нет, не думаю, – снова улыбнулся он. – Дело в том, что нам нужен именно такой специалист, как вы. И давайте без обиды. В каждой организации существуют свои специфические правила при приеме на работу. Возможно, у нас они не совсем обычные, но уверяю вас, они разработаны с участием ведущих психологов.

– Представляю, что они вам насоветовали! – буркнула женщина. – Хорошо еще, что вы проверяете сотрудниц таким необычным способом. А можно проводить еще более откровенный тест. Например, ловить на улицах и насиловать. И смотреть, как они себя будут вести. Вам не приходила в голову такая идея?

– Пока нет, – очень серьезно ответил Петровский, – но если вы так считаете, обязательно попробуем. – Он произнес эти слова без тени улыбки.

Наталья Андреевна нахмурилась.

– Я начинаю вас бояться, – призналась она.

– Не нужно, – он тяжело вздохнул. – Неужели вы думаете, что в Москве существует дефицит финансистов, даже таких опытных, как вы? Полагаю, за такие деньги мы без труда найдем нужного специалиста.

– Тогда в чем дело? – спросила она. – Зачем вы явились ко мне с этим веником?

«Она допустила ошибку, – подумал Петровский. – Обратила внимание на цветы и преувеличенно грубо назвала роскошный букет «веником». Ее оборона дала трещину». Невозможный человек не показывает своих эмоций. Равнодушный реагирует совсем по-другому.

– Хотел загладить свою вину, – признался он.

– И вы не боитесь? – вдруг спросила она. – У нас дома очень свирепая собака. Очень. И если я ее сейчас позову, то наш сэр Бэримор может проявить характер.

– Вы хотите, чтобы меня покусала ваша собака? – усмехнулся Святослав Олегович. – Что ж, если вы считаете, что таким образом сможете меня наказать, я согласен на эту пытку.

Хозяйка дома оценила его иронию и улыбнулась. Впервые за все время разговора. И наконец разжала руки, положила их на стол.

– Вы не подумали, что я могу предложить вам самому раздеться? – задала вдруг вопрос Наталья Андреевна. – Интересно, как бы вы на такое отреагировали?

– Разделся бы, – спокойно признался Петровский, а она неожиданно поняла, что он говорит абсолютно искренно.

– Вам не говорили, что вы очень странный человек? – полюбопытствовала Бочарова.

– Постоянно говорят. И даже пишут. Но представьте себе, что меня не обижает такая характеристика. Даже наоборот. Мне нравится, когда утверждают, что я не похож на других.

Она промолчала. Просто какое-то время смотрела на него и молчала. Но наконец спросила:

– Что вам нужно? Зачем вы пришли?

– Извиниться и объявить вам, что вы приняты на работу. Первым заместителем Юлая Абуталиповича. С правом финансовой подписи...

Бочарова тряхнула головой, улыбнулась. Дома она выглядела гораздо привлекательнее и мягче. Очевидно, строгий деловой костюм заставлял ее внутренне собраться. На работе эта женщина была несколько другим человеком. Это его устраивало.

– Вы доверяете мне потому, что я не захотела раздеться в вашем присутствии? – прямо поинтересовалась она. – Или у вас есть другие мотивы?

– Я проверил, как вы ведете себя в нестандартной ситуации и понял, что вы мне подходите. У вас есть свои принципы, которые вы готовы отстаивать. Есть своя точка зрения, воля. Меня это устраивает. Если вы не примите мои извинения, я буду разочарован. Значит, вы не настолько сильный и волевой человек, как я предполагал. И не настолько умный.

Они посмотрели друг другу в глаза. Наталья Андреевна не выдержала первой – отвернулась. Затем пожала плечами.

– Вы не оставляете мне выбора. Если я откажусь от вашего предложения, то поступлю как дура. А если не откажусь? Вы действительно хотите, чтобы я у вас работала?

– Хочу, – сказал он. – Я редко ошибаюсь в людях. Мне нужен именно такой специалист, как вы. Так вы согласны? Только не спрашивайте, придется ли вам раздеваться еще раз. Вы все прекрасно поняли.

– Я подумаю, – ответила она, и это было согласием.

Петровский поднялся со стула:

– Спасибо. Я думаю, вам будет интересно у нас работать. До свидания.

Он вышел в коридор и прошел к входной двери как раз в тот момент, когда дочь Натальи Андреевны вышла из кухни с подносом в руках. На подносе дымились две чашечки кофе, стояли сахарница и тарелка с нарезанными кусками свежего пирога.

– Вы уже уходите? – опечалилась она. – А я приготовила для вас кофе.

– В следующий раз, – улыбнулся Святослав Олегович. – До свидания.

Выйдя из квартиры, он тихо прикрыл дверь и начал спускаться по лестнице. У него было хорошее настроение. Теперь Петровский был уверен: завтра Наталья Андреевна явится к ним на работу. У него появилось бы еще более хорошее настроение, если бы он мог услышать, что происходило в квартире, из которой он только что вышел. Дочь все еще стояла с подносом в коридоре, когда туда вышла мать.

– Кто это? – спросила дочь. – Пришел с таким потрясающим букетом цветов, а так быстро ушел. Это твой новый знакомый?

– Нет, – ответила мать. – Это мой новый шеф.

– Он тебе нравится? – уточнила дочь.

– Не знаю, – призналась мать. – Но мне кажется, я еще не встречала таких людей.

– Значит, нравится, – констатировала дочь, направляясь обратно на кухню. – Я приготовила тебе кофе. Только постарайся не влюбиться в него. Вам еще только служебного романа не хватало.

Глава 3

Прошло несколько дней, и Петровского вновь посетил Валентин Георгиевич. Он вошел в кабинет, улыбаясь, чувствуя себя хозяином положения. Не дожидаясь приглашения, уселся в глубокое кресло, заранее зная, что скажет хозяин кабинета.

Святослава Олеговича несколько покорила такая бесцеремонность, но он заставил себя улыбнуться, усаживаясь напротив. Чуть раньше секретарь получила от него четкие указания никого к нему не впускать и ничего не предлагать – ни чая, ни кофе.

– Мы рассмотрели ваше предложение, – сказал Петровский, – оно достаточно интересно.

Валентин Георгиевич улыбнулся. Он был уверен, что Петровский примет их предложение.

– Нам пришлось поработать, – признался Святослав Олегович. – Мы обычно проверяем организации, с которыми предстоит работать.

Хитрые лисьи глазки посетителя тут же насторожились, как только Петровский заговорил о проверке.

– Мы собрали для вас документы, – сообщил Валентин Георгиевич.

– Мы тоже собрали, – спокойно сообщил Святослав Олегович, – и нам удалось узнать, что, после того как «Голдман Сакс» выделил стомиллионный кредит, комбинат начал реконструкцию. И бывший директор Илья Федорович сделал все, чтобы поднять производство.

– Наверное, – согласился его собеседник, – но его убили. И нам нечего его вспоминать.

– По оценке наших экспертов, комбинат уже сейчас стоит не двести, а все триста миллионов, – продолжил Петровский. – И вам удалось за некоторое время перед убийством его директора скупить около пятнадцати процентов акций предприятия?

– При чем тут убийство? При чем тут наши акции? – очень тихо спросил Валентин Георгиевич. – Мне кажется, вы несколько увлеклись, господин Петровский. Сейчас мы говорим не об этом. Наша задача – провести быструю процедуру банкротства и передать комбинат другим людям, которые могут спасти производство. А вам нужно обеспечить нас необходимой информационной поддержкой в газетах и на телевидении. И больше ничего. Не нужно совать нос в чужие дела. Поверьте, это в ваших интересах.

– У вас пятнадцать процентов, – продолжил Петровский, словно не слышал хамских слов посетителя. – Этого явно недостаточно, чтобы получить большинство в совете директоров. Насколько нам удалось узнать, вы дважды приезжали в Нижнебайкальск и даже встречались с погибшим директором комбината.

Это была ответная угроза, и Валентин Георгиевич почел за благо промолчать. Он понял, что работники «Миллениума» не просто проверили все факты, но и провели собственное расследование. И поэтому просто молча слушал хозяина кабинета.

– Наверное, это случайное совпадение, – безжалостно продолжал между тем Святослав Олегович. – Говорили даже, что вы были на комбинате за день до убийства директора. Но, как вы верно заметили, лучше не совать нос в чужие дела и не заниматься расследованиями. Поэтому мы проверили по нашей бирже и выяснили, что акции комбината все время растут. Будет очень трудно провести процедуру банкротства. Хотя в нашей стране нет ничего невозможного.

– Рад, что вы это наконец поняли, – вздохнул Валентин Георгиевич. – Значит, мы договорились?

– Пятьдесят один процент акций принадлежит бывшему владельцу «Дельта-банка» Глебу Жуковскому, – говорил спокойно Петровский. – А он ни при каких обстоятельствах не продаст вам свои акции. И заставить его это сделать невозможно. Хотя бы потому, что он живет в другой стране и вашим людям до него трудно добраться. Банк у Жуковского отняли, ото-

брав лицензию. Отнять же акции законным путем невозможно. Так что фактический владелец комбината по-прежнему Жуковский. Только в случае процедуры банкротства комбинат может лишиться этого владельца и оказаться у других людей.

– Возможно, – снова согласился гость, – может быть, и так. Когда мы подпишем соглашение? Мы готовы перевести в качестве аванса двадцать пять процентов от всей суммы, чтобы вы начали работу...

– И тогда комбинат передадут финансовой группе Семена Алентовича, который вам платит за работу? – улыбнулся Петровский.

Гость испуганно посмотрел по сторонам, словно опасаясь, что их разговор где-то записывается на пленку. Затем быстро сказал:

– По-моему, мы увлеклись. Нужно подготовить документы. У меня уже есть проект договора. – Валентин Георгиевич полез в папку, лежащую у него на коленях. Руки его заметно дрожали.

– Вы не поняли, – счастливо улыбнулся Святослав Олегович, когда его посетитель наконец достал бумаги. – Проверив положение дел на комбинате, мы пришли к выводу, что не можем принять ваше предложение.

Листы бумаги упали на пол. Валентин Георгиевич явно не верил своим ушам. Он изумленно уставился на руководителя «Миллениума».

– Как это не можете?

– Это очень опасно, – продолжал улыбаться Петровский. – Зачем нам совать нос в чужие дела? Жуковский с Алентовичем выясняют между собой отношения, а мы должны встать на чью-то сторону? Это небезопасно. И к тому же еще неизвестно, кто победит. Поэтому мы решили воздержаться от сотрудничества с вашей организацией, Валентин Георгиевич.

Тот посмотрел на валяющиеся бумаги. Он все еще не мог поверить, что получил отказ.

– Два миллиона долларов, – напомнил он изумленно. – Вы отказываетесь от двух миллионов долларов?

– Да, – радостно подтвердил Святослав Олегович, – мы отказываемся даже от таких денег, чтобы не вмешиваться в эти грязные игры наших олигархов.

Приятно было чувствовать себя почти порядочным человеком. А еще приятнее видеть растерянность и изумление на лице этого странного типа. Такого чувства удовлетворения Петровский давно не испытывал.

Валентин Георгиевич наклонился и начал собирать бумаги.

– У комбината большие трудности, – пробормотал он, – у них могут быть проблемы со сбытом.

– Конечно, – согласился Святослав Олегович, глядя на его спину.

Наконец бумаги были собраны. Посетитель поднялся, сложил их в папку.

– Вы совершаете большую ошибку, – осторожно произнес он. – Отказаться от такого предложения... Может, два с половиной миллиона долларов? Я, конечно, не уполномочен, но если вы согласитесь...

– Очень сожалею, – развел руками Петровский, – но ничем не могу помочь.

Он подождал, пока несостоявшийся клиент «Миллениума» выйдет из кабинета и лишь затем расхохотался от полученного удовольствия. У него не было сомнений, что именно этот тип организовал убийство директора комбината. Как не было сомнений и в том, что процедура банкротства задумана в интересах Алентовича. Иначе Петровский ни за что не упустил бы такие деньги. На самом деле он не был порядочным человеком. Моральные проблемы работников комбината его не волновали и терзаний совести по поводу убитого директора он не испытывал.

Пусть посетитель предполагает все, что ему угодно. Его решение основывалось на другом. Узнав, что пятьдесят один процент акций комбината принадлежит Жуковскому, он понял,

что сначала нужно переговорить с реальным владельцем предприятия, приносящего огромную прибыль. И больше половины ее имеет не кто иной, как Жуковский. Святослав Олегович выслал к нему на переговоры своего советника Леонида Исааковича Бронштейна. А тот, позвонив вчера, сообщил, что ему удалось договориться с олигархом, так что они могут отказаться от денег, предлагаемых Валентином Георгиевичем. Именно поэтому Петровский так нелюбезно его и принял. А теперь он ждал возвращения советника, который уже прилетел в Москву тридцать минут назад.

Еще через полчаса Леонид Исаакович Бронштейн вошел в его кабинет. У него были волнистые светло-коричневые волосы, одутловатое лицо, мясистые щеки и большие, немного выпученные глаза. Бывший одессит, Бронштейн эмигрировал в Америку еще до начала перестройки. Но в девяностые годы, почувствовав запах больших денег, которые можно делать на бывшей родине, вернулся обратно. Он был земляком Петровского, хотя в Одессе они не знали друг друга и близко сошлись уже после того, как Святослав Олегович организовал свое знаменитое агентство «Миллениум».

Бронштейн вошел в кабинет, энергично поздоровался с его хозяином и, придвинув стул, уселся рядом с ним. Он был в модном полосатом костюме с шелковым галстуком, подобранным в тон рубашке бежевого цвета.

– Добрый вечер, Леонид Исаакович, – отозвался Петровский. С советником он был на «вы», уж слишком большие деньги тот получал. – Как переговоры в Лондоне? Что сказал наш возможный клиент?

– Начну с того, что он вам очень благодарен, – усмехнулся Леонид Исаакович. Каждый раз, когда Петровский слышал голос советника, он радовался, что в его собственном имени и отчестве нет буквы «р», которую Бронштейн почти не выговаривал. – Жуковский считает, что вы поступили весьма разумно, обратившись к нему. И предложил нам сотрудничество.

– Не сомневался, что он так и скажет.

– Он сразу вычислил, кому нужно банкротство комбината, чтобы передать его новым хозяевам. И назвал Семена Алентовича. Считает, что за этой акцией стоят Алентович и правительство. И еще... – Бронштейн усмехнулся.

– Могу угадать, что еще он сказал, – неожиданно предложил Святослав Олегович.

Леонид Исаакович глянул на шефа и кивнул в знак согласия.

– Он удивился, что я решил сыграть на его стороне, а не поддержать, как обычно, правительство. Верно?

– Как приятно с вами работать! – даже зажмурился от удовольствия Бронштейн. – У вас просто выдающиеся способности, Святослав Олегович.

– Об этом было нетрудно догадаться, зная, как Жуковский относится к нынешнему правительству и как они относятся к нему. Алентович очень близок к премьеру и к вице-премьеру правительства. И конечно, с их подачи решил прикарманить комбинат. Жуковский думал, что я поддержу Алентовича?

– Теперь он полагает, что вы поступаете правильно, решив сыграть в свою игру. Это дословно его слова. И согласен поддержать вас в этом соперничестве с Алентовичем.

– Очень хорошо. И что он нам предложил? Вы говорили о том, что группа Алентовича готова заплатить нам акциями за то, чтобы мы помогли урегулировать этот вопрос – организовали в газетах и на телевидении шумиху о бедственном положении комбината, перекрыли им кислород и в конечном счете обанкротили производство?

– Он все моментально понял, – улыбнулся Бронштейн, – и сразу же спросил: «Сколько?» Сейчас никто никому бескорыстно не помогает.

– Что вы ответили?

– Двенадцать процентов акций. И сказал, чтобы он не вздумал торговаться. Это окончательная цена за нашу помощь.

– Двенадцать? – не понял Петровский. Он решил, что ослышался. – Но ведь мы с вами договаривались о десяти процентах, которые он выделяет нашему агентству.

– Верно, – спокойно согласился Бронштейн. – Десять процентов агентству «Миллениум» и два – посреднику.

– Посредник – это вы? – еще больше изумился Святослав Олегович. Больше всего его поражало чудовищное спокойствие Бронштейна.

– Разумеется. Я полагаю, что два процента акций комбината могут составить мой гонорар. А десять процентов – ваши.

– Два процента, – выдохнул Петровский, чувствуя что начинает заводится. – Это же почти шесть миллионов долларов! Вы с ума сошли?

– Нет, – ответил Леонид Исаакович. – Отправляя меня в Лондон, вы ничего не сказали о моем гонораре. Я вел эту тему, рассчитывал для вас возможности переговоров с Жуковским и вышел на него. Поэтому полагаю, что два процента акций меня вполне устроят.

– Шесть миллионов долларов! – закричал, уже не сдерживаясь, Петровский. – Нет, вы действительно сошли с ума. Что вы себе позволяете? Кто дал вам право?

– Не нужно кричать, – попросил Леонид Исаакович, тяжело вздыхая. – Типично русская манера считать деньги в чужом кармане. Не забывайте, что десять процентов акций, которые вы получите, – это тридцать миллионов долларов. Согласитесь, тоже неплохие деньги.

– Если я узнаю, что вы еще и православный, то стану мусульманином, – разозлился Петровский. – Как вам не стыдно? Шесть миллионов долларов! Кто вам разрешит получить акции такого комбината? Это стратегический объект страны. Вы представляете, что будет, если узнают, что акции такого производства достались американскому гражданину? Иностранцу? О чем вы думаете? Вы потеряли чувство реальности.

– Только не говорите мне о патриотизме. Руководство вашей страны готово обанкротить самый мощный в стране комбинат, который приносит половину всей прибыли в этой области. И все это лишь для того, чтобы отнять производство у одного олигарха и передать его другому, – Леонид Исаакович снова тяжело вздохнул. – А я-то думал, что вы поймете меня. Я решил обосноваться на моей исторической родине.

– Ваша историческая родина в Израиле, – заорал Петровский, – или в Одессе, откуда вы сбежали в Америку. Шесть миллионов долларов – это невероятные деньги. Он в жизни не согласится заплатить нам двенадцать процентов. Тридцать шесть миллионов! Вы сорвали мне самую главную сделку. Вы меня подвели...

Бронштейн взял бутылку воды, стоявшую на столе, открыл ее, придвинул к себе стакан, наполнил его, выпил и коротко сообщил:

– Он согласен.

– Что? – Петровский вскочил из кресла, обежал стол и уселся напротив советника. – Что вы сказали?

– Он согласен на двенадцать процентов, – повторил Бронштейн, наливая себе второй стакан воды. Затем залпом выпил и его.

Святослав Олегович вырвал у него бутылку, налил воды себе. И также выпил ее залпом.

– Рассказывайте, – потребовал он.

– Жуковский – умный человек, – продолжил Бронштейн, – он тут же понял, что лучше всего поделиться. Если у нас будет двенадцать процентов акций комбината, мы не допустим его банкротства. И будем изо всех сил сражаться на его стороне.

Петровский кивнул в знак согласия.

– Мы договорились с Глебом Моисеевичем, что он передаст акции нам в доверительное управление, – продолжил Бронштейн. – Причем два процента перейдут российской компании «Вымпел», а десять поступят в агентству «Миллениум».

– Какой еще «Вымпел»? – не понял Петровский. – Откуда взялась это компания?

– Это моя собственная компания. Я ее единственный учредитель и владелец, – пояснил Бронштейн. – А президентом там работает мой племянник Шурик.

– Не перестаю удивляться, как наши одесситы умеют устраиваться, – пробормотал Петровский. – Умный мальчик?

– Очень. Окончил МВТУ имени Баумана. Можете себе представить? Сейчас – президент компании. Очень хороший мальчик. Ему двадцать семь лет. Я вас с ним познакомлю.

– Не нужно. Мне достаточно одного Бронштейна в моем офисе. Двух я уже не выдержу. Значит, Жуковский согласился?

– Конечно, согласился. Как только акции перейдут к нам, мы начнем действовать. Думаю, вы не будете возражать, если я вылечу в Нижнебайкальск и постараюсь решать возникающие проблемы на месте?

– За шесть миллионов долларов, – все еще не мог успокоиться Петровский. – Да за такие деньги вы можете переехать жить в Нижнебайкальск на всю оставшуюся жизнь. И стать почетным гражданином этого города.

– Ценю ваш юмор, – сухо отозвался Бронштейн. – Я-то думал, вы обрадуетесь, узнав, что мой гонорар не пойдет из ваших десяти процентов. В конце концов, я сделал все, о чем мы договаривались. И выбил для вас десять процентов акций. Это было ваше условие. Почему вас так волнует, что Жуковский подарит мне еще два процента? Это уже не ваши деньги. Только не говорите, что вас волнует престиж страны, я все равно не поверю. А стратегических секретов на комбинате нет, он выпускает древесину и бумагу.

Петровский промолчал. Затем неожиданно улыбнулся:

– Мне просто не нравится, когда договариваются за моей спиной. Тем более о таких суммах. Вы правы, Леонид Исаакович. Вы абсолютно правы. Готовьтесь завтра же вылететь в Нижнебайкальск. – Он поднялся и протянул советнику руку: – Я вас поздравляю. Вы действовали абсолютно правильно. И примите мои извинения.

Леонид Исаакович тоже поднялся, пожал протянутую руку.

– Вы мудрый человек, – сказал он проникновенно, – умеете признавать свои ошибки. Завтра я вылечу. До свидания. – И он вышел из кабинета.

Петровский посмотрел на его стакан, стоящий на столе, неожиданно схватил его и бросил в стенку. Стакан разлетелся на мелкие осколки. Святослав Олегович прошел к письменному столу, позвонил своему заместителю.

– Юлай, с сегодняшнего дня не обсуждаешь никаких финансовых дел с Бронштейном.

– У нас с ним...

– Никаких! – рявкнул Петровский. – Ты меня понял?

– Да.

– Очень хорошо. Как у тебя с Натальей Андреевной?

– Она вышла на работу. Все в порядке. – Петровский переключился на секретаря.

– Закажи мне срочно билет на самолет в Лондон. Но только чтобы об этом не знал никто, ни один человек, даже наши сотрудники. На ближайший рейс. Всем будешь говорить, что я отбыл на дачу. И пошли ко мне уборщицу. У меня разбился стакан.

Глава 4

Вечерний рейс в Лондон проходил неровно. Сильный северный ветер заставил летчиков все время маневрировать, меняя коридоры высоты. И тем не менее почти половину пути горели огни, извещающие пассажиров о турбулентности. Петровский, сидевший в салоне первого класса, зло смотрел в затянутый темными тучами иллюминатор. От просмотра фильмов он отказался, хотя в салоне для пассажиров первого класса можно было выбрать любую киноленту из имеющихся на борту. Он съел принесенного лобстера, выпил немного вина. Для пассажиров первого класса в самолетах компании «Бритиш Эйрвэйз» работала специальная кухня – можно заказать любую еду из предложенного меню.

Когда самолет приземлился в Хитроу, Петровский быстро прошел пограничный и таможенный контроли. У него не было с собой почти ничего, кроме небольшой дорожной сумки. Выйдя из аэропорта, Святослав Олегович сел в такси и попросил отвезти его в «Шератон», где ему был заказан номер. Уже направляясь в город, он подумал, что сделал правильно, не заказав машину для встречи. Никто не должен знать о его поездке в Лондон. Завтра в девять утра он вылетит обратно в Москву, а ночь он имеет право провести где угодно. Мобильный телефон у него с собой, так что при желании с ним легко связаться. Но, увидев телефонную будку, Петровский попросил водителя остановиться. Его телефон мог прослушиваться, так что нетрудно установить, откуда он звонил. Поэтому, выйдя из машины, Святослав Олегович прошел в телефонную будку и тут вспомнил, что не купил телефонную карточку, которую мог приобрести в аэропорту. Не сдержавшись, он выругался. Придется заехать в какой-нибудь супермаркет, чтобы купить эту проклятую карточку.

Петровский уже собрался выйти из телефонной будки, когда вдруг увидел изображение кредитных карточек. И еще раз громко выругался. «Я совсем схожу с ума, – подумал он. – У меня ведь есть кредитки. И с любого автомата можно позвонить, используя их. Для этого необязательно покупать телефонные карточки».

Достав кредитную карточку, Святослав Олегович вложил ее в аппарат, быстро набрал номер лондонского офиса Жуковского. Почти сразу же ему ответила секретарь. Говорила она по-английски.

– Офис мистера Жуковского.

– Добрый вечер, – начал Петровский по-английски, – мне нужно срочно переговорить с господином Жуковским.

– Как вас представить? – поинтересовалась девушка.

– Скажите, что звонит Леонид Исаакович, – соврал он, чуть поколебавшись.

Она повторила трудные для нее имя и отчество. Затем попросила подождать. «Надеюсь, он не станет перезванивать Бронштейну», – подумал Петровский, ожидая, когда ему ответят. Через минуту девушка снова вышла на связь.

– Соединяю вас с господином Жуковским, – сообщила она и переключила телефон. Очевидно, Глеб Моисеевич находился в машине, потому что Петровский услышал сигналы автомобилей.

– Слушаю вас, – отрывисто произнес Жуковский. – Кто это говорит?

– Мне нужно срочно с вами встретиться, – попросил Святослав Олегович, – я специально прилетел из Москвы.

– Кто это говорит? – не понял Жуковский. – Кто вы такой?

– Петровский, – представился Святослав Олегович. – Мне нужно с вами увидеться.

Наступило молчание.

– Вы прилетели в Лондон? – не поверил Жуковский.

– Да. Вы можете легко проверить, откуда я говорю.

– Ясно. Дело в том, что я сейчас улетаю в Париж.

– Но у меня очень важное дело.

– Понимаю. Где мы можем увидеться? Я отложу мой рейс.

– Назовите место, и я подъеду. Только не в вашем офисе.

– Понимаю, понимаю. Тогда давайте где-нибудь в тихом месте. – Жуковский задумался. – Вы знаете клуб рядом с «Хилтоном» на Парк Лейн? Там мы встречались с вашим представителем.

– Знаю. Но будет лучше, если вы придете ко мне в номер. Я буду в «Шератоне». Не нужно, чтобы нас видели вместе.

– Согласен. Я буду у вас через час. До свидания.

Жуковский отключился, и Святослав Олегович, достав кредитную карточку, вышел из телефонной будки. Усевшись в автомобиль, он разрешил водителю продолжать движение к «Шератону». Петровский помнил этот известный отель, построенный в виде круглой башни, хотя никогда в нем не жил. Этот «Шератон» примыкает к торговому району, в котором находятся «Харродс» и другие популярные магазины, но интересы Петровского всегда лежали несколько в другой сфере. Именно поэтому он обычно снимал номер в «Савое», расположенной гораздо ближе к Лондон-сити, деловой части города.

И в этот момент зазвонил его мобильный аппарат. Он недовольно покосился на него. Кто это может звонить ему в такое время? Но все же он включил его.

– Здравствуй, – услышал он знакомый голос жены.

– Здравствуй, – только сейчас Святослав Олегович вдруг с ужасом вспомнил, что он прилетел в город, где живет его супруга и учится его дочь.

– Как у тебя дела? – спросила жена. – Все нормально? Когда ты к нам прилетишь? Мы скучаем без тебя.

Он сжал зубы. «Глупая ситуация. Чувствую себя, как Штирлиц на свидании с собственной женой», – подумал Петровский, а вслух пообещал:

– Скоро я освобожусь и прилечу к вам. Обязательно прилечу.

– Ты знаешь, у меня такое ощущение, будто ты совсем рядом, – призналась жена, – словно ты находишься в соседней квартире или на соседней улице.

– Я далеко, – глухим голосом произнес он, – очень далеко.

– Знаю, – ответила она, – у тебя все хорошо?

– Да, все в порядке.

– Тогда целую тебя. До свидания!

– До свидания, – пробормотал Петровский и убрал аппарат.

В отеле ему отвели обычный одноместный номер. Номер ему понравился. Большая комната с видом на Гайд-парк. Петровский умылся и уселся на стул в ожидании Жуковского. Тот прибыл ровно через час. Олигарх был абсолютно точен. Когда раздался звонок в дверь, Святослав Олегович поднялся и открыл ее, даже не глянув в глазок. На пороге стоял Глеб Моисеевич. Он был ниже среднего роста, лысоватый, похожий на юркую крысу, готовую сбежать при малейшей опасности. Разговаривая, Жуковский иногда всхлипывал носом, словно у него был постоянный насморк.

Увидев гостя, Петровский посторонился, пропустил его в номер. И лишь когда Глеб Моисеевич захлопнул дверь, они несколько церемонно поклонились друг другу – никто из них не разрешил себе первым протянуть руку. Нет ничего более уморительного, чем встреча двух мошенников, когда каждый из них знает, что его собеседник может не просто обмануть, но и отказаться от всех ранее существовавших договоренностей. И оба обладают примерно равной информацией друг о друге. Я знаю, что ты знаешь, что я знаю...

Жуковский прошел в комнату и, взяв стул, сел без приглашения. Святослав Олегович подвинул второй стул, устроился рядом.

– Итак, – начал Глеб Моисеевич, – вы решили сами прилететь в Лондон? Зачем вы захотели меня видеть? Я думал, мы обо всем договорились с вашим представителем. Кстати, у вас очень толковый и деятельный советник. У нас с ним оказалось много знакомых по Америке. Или вы хотите изменить наше соглашение?

– Нет. Двенадцать процентов более чем достаточно. Но я просил бы вас перевести эти акции в другое место. На представительство нашей компании в Литве. Я дам вам точный адрес.

– Все двенадцать процентов акций? – быстро переспросил Жуковский. – Я думал, что их нужно разделить. Десять – в ваше агентство и два – в какой-то «Вымпел».

– Мы решили несколько изменить схему перевода акций в доверительное управление, – пояснил Петровский. – Так будет лучше и для нас, и для вас.

– Не возражаю. Но я хотел бы задать вам только один вопрос и получить на него по возможности конкретный ответ. Я прекрасно знаю, что ваше агентство «Миллениум» тесно связано с нашим нынешним правительством. Более того, знаю, что во время последних президентских выборов вы и ваши сотрудники сыграли ведущую роль в избрании главы государства. Кстати, тогда мы с вами неплохо сотрудничали. Но почему вы теперь решили мне помочь? Группа Алентовича может оказать вам гораздо более существенную поддержку, чем я. У них сейчас больше возможностей, больше денег и свои люди в правительстве. Почему вы решили поставить на аутсайдера?

– В человеческое благородство вы, конечно, не верите? – усмехнулся Петровский.

– В ваше не верю. Извините, но я привык говорить конкретно. Вы никогда не сделаете ничего себе во вред. Вы известный прагматик и циник, господин Петровский. Тогда почему?

– На комбинате был убит директор, – напомнил Святослав Олегович.

– И вы решили стать народным мстителем? – иронично хмыкнул Глеб Моисеевич. – Бросьте, не нужно вспоминать директора, хотя покойный был очень неплохим человеком и специалистом. Именно он вывел комбинат из прорыва. Но теперь мало быть только хорошим специалистом. Нужно быть не просто бизнесменом, но еще и политиком. Покойный Илья Федорович им не был и не понял сложности игры. Поэтому его убили.

– На Нижнебайкальском комбинате был убит директор, – повторил Петровский, – и поэтому мы решили проверить финансовые возможности предприятия. И с удивлением обнаружили, что американский банк «Голдман Сакс» выдал ему огромный стомиллионный кредит. Этот факт нас очень заинтересовал. У меня неплохое аналитическое агентство, мои люди быстро выяснили, сколько на самом деле стоят акции комбината. Алентович все просчитал правильно. Если бы речь шла только о том, чтобы отнять у вас комбинат, никто в мире не встал бы на вашу защиту. И я бы никогда не рискнул сделать вам такого предложения. Но сейчас несколько другое положение. Алентович не просто хочет отнять у вас контрольный пакет акций, он собирается обанкротить производство, в которое известный американский банк вложил сто миллионов долларов, очень приличную сумму. А это значит, что банк потребует дополнительной ревизии и независимой аудиторской проверки, прежде чем будет принято решение по банкротству. Вот тут-то сразу и всплывет сумма в двенадцать миллионов долларов чистой прибыли за прошлый год. Никто в такой ситуации не разрешит Алентовичу обанкротить комбинат. А в результате его акции взлетят до небес.

– Вы придумали это сами или вам подсказали? – быстро поинтересовался Жуковский.

– Это не имеет значения. Либо вы согласны, либо нет. В последнем случае мы просто плюем на интересы американского банка и обанкротим предприятие. Американцы потеряют сто миллионов долларов, наша страна в очередной раз потеряет репутацию, а вы – очень большие деньги. Зато наш знакомый Алентович положит в карман триста или четыреста миллионов долларов. Но согласитесь, такой исход дела меня устраивает меньше всего.

– Согласен, – кивнул Жуковский. – Вы все просчитали правильно. Но зачем вы прилетели? Мы обо всем договорились с Леонидом Исааковичем.

– Он мой советник, – объяснил Петровский, – я прислал его подготовить наше соглашение. Когда вы принципиально согласились, я решил прилететь сам.

– А если я потребую еще и политических договоренностей?

– Я не государственный чиновник и не уполномочен вести такие переговоры. Я отвечаю только за мое агентство.

– Но вы обладаете большим влиянием среди правительственных чиновников.

– Если бы я использовал мое влияние столь нерационально, оно не было бы столь очевидным.

Жуковский улыбнулся. Ему понравился ответ.

– Вы можете что-то гарантировать более конкретно? – спросил он.

– Моя цель – сделать так, чтобы акции вашего предприятия котировались как можно выше. По-моему, мой интерес и мои гарантии очевидны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.